

НА СТРЕЖНЕ ЖИЗНИ

М А С Т Е Р А К У Л Ь Т У Р Ы

СХОДИТЕ в Малый театр, посмотрите игру Бабочкина, и вы пожалеете только об одном: что ролей у него на сцене маловато. Поглядите фильмы-спектакли «Дачники» и «Правда» — хорошо, а счастье лучше». Своеобразный, неповторимый талант этого большого мастера советского театра и кино по-прежнему сверкает такими гранями, за которыми исчезают и театр, и кино, а остается сама жизнь. Но жизнь, где тем не менее постоянно присутствует зоркий, умай художник. Посмотрите телефильмы — «Скучную историю» А. Чехова и «Плотничьи рассказы» В. Белова. Классика и современность... Смертельно уставший, отчаявшийся в тоске, безысходности, болезнях и запущенности души Николай Степанович и острый, мудрый, живой народный самородок, колхозный плотник... То, что делает на экране Бабочкин, — внешне просто, в «натуральном» виде, без какого-либо грима — так же разнится, как разнятся эпохи, разделяющие его героев. И мы можем лишь подивиться неувыдаемому дару актера — обе работы можно смело отнести к лучшим в его творчестве.

Или прочтите книгу Б. А. Бабочкина «В театре и кино». Вы встретитесь в ней с на редкость интересным рассказчиком и собеседником, исследователем сложных вопросов искусства...

Все это сделано актером лишь за последние несколько лет. А возраст Бабочкина — семьдесят... И каждый раз, направляясь к нему, с особой ясностью сознаешь, какой же плотностью свершенного может быть наполнена жизнь, если тебя не покидает мысль, что, кроме всего прочего, ты идешь к старым-старым своим знакомым... скажем, к генералу последней войны Огнелу или к еще более давнему, почти сказочному Чапаеву... Борис Андреевич — строгий, легкий, изящный — кажется, тоже удивляется глубине времени:

— Да, да... Или представьте: до сих пор пользуюсь гримом, который мне подарил Мейерхольд...

...В тринадцать лет он решил стать артистом. В шестнадцать его приняли сразу в две театральные студии Москвы. В тридцать на него обру-

шилась всемирная слава «Чапаева».

Именно обрушилась. Другого слова не подберешь. Поколение тридцатых годов помнит несслыханный, неустойчивый, как сама чапаевская атака, триумф легендарного фильма... Можно и сейчас с уверенностью сказать: Бабочкин в своем роде единственный актер, на долю которого выпал успех такого масштаба. Вся страна как бы торжествовала с «Чапаевым» не просто победу авторов фильма, всего советского искусства, а одно из выдающихся свершений молодой эпохи социализма.

Но есть у славы свои каверзные законы. Разница в «размерах» театральной и ки-

ни да саквояжик — весь багаж, а шестнадцать лет — вся биография паренька, приехавшего из Саратова в Москву. Впрочем, иное то было время. За плечами у юноши — школа, комсомол, служба в политотделе IV армии Восточного фронта (лишь много лет спустя он узнал, что служил в одной армии с Чапаевым!). Он успел поработать и агентом, а затем заведующим отделом особых поручений Саратовского губпродкома — всю сложность, всю романтику и героизм тех лет он сумел впитать в юное, восприимчивое сердце. И навсегда запомнить — да так, что и через годы ему не требовались творческие командировки для изуче-

меченной цели — поступить только в студию М. Чехова, где, как ему казалось, было последнее слово искусства и торжество принципов Станиславского, которым он уже был предан безраздельно и навсегда. И он попал в новую студию М. Чехова при Художественном театре, а сверх того был принят в студию И. Певцова. Так и учился — сразу у двух мастеров.

Но учителя на всю жизнь он нашел все-таки в Певцове. Этот выдающийся актер и педагог никогда не употреблял терминов системы Станиславского, однако всем своим талантом, умом, всем существом в полной мере воплощал на практике его реалистические принципы. Не случайно именно в этой студии читал лекции сам Станиславский, репетировал со студийцами, в том числе и с Бабочкиным.

Борису Бабочкину не было и двадцати, когда он уже играл в театрах Москвы крупные роли. А он вдруг уехал... в Могилев, затем работал в Костроме, Воронеже, Бердичеве, Самарканде, Пишпекке. Без усталости, неистово искал, «шлифовал» себя на периферийных сценах, сыграв около двухсот ролей! Только после этого он решил приехать в Ленинград. И сразу стал одним из ведущих актеров — сначала в драмтеатре Народного дома, а потом и в самой «Александринке» — в академическом театре драмы. Братишка в «Штурме», Победоносиков в «Бане», солдат и красный командир Сысоев в «Первой коновой»... А на сцене академического — Чацкий и Хлестаков, царевич Алексей в «Петре I» и Самозванец в «Борисе Годунове»... Отличная судьба! Он на главных ролях в старейшем театре России, а его Сысоев и Самозванец уже признаны немалыми творческими победами — и не только молодого актера... Но Бабочкин чувствовал в себе какие-то еще не раскрытые тайные, дерзкие силы. И подлинным откровением, открытием и подвигом в творчестве актера той поры стал его бессмертный Чапаев.

Фильм покорила не только нашу страну. Вот что писала тогда «Правда» о том, как была удивлена, обескуражена кинодержавная Америка великой победой советского искусства: США еще не знали «такого огромного успеха, таких шумных восторгов публики, такого смеха, таких сдерживаемых рыданий, такого грома аплодисментов и абсолютного единодушия прессы».

Творческий путь Бабочкина можно охарактеризовать одним словом: революционность. Поражают круг интересов, масштабы деятельности актера, его новаторство, неугомонность в искусстве, непримиримость в борьбе за социалистический реализм на сцене и экране, за театр большого общественного звучания.

Он не порывает с кино, снимается в фильмах «Друзья», «Подруги», а в годы войны — в «Непобедимых», «Актрисе», «Фронте», участвует в постановке фильма «Родные поля». Эти картины говорят сами за себя, их помнит все военное поколение. В героико-романтической теме своего творчества актер от Братишки, Сысоева и Чапаева органически пришел в эти фильмы к воплощению образов людей второго поколения революции. И достиг, особенно в председателе колхоза Выборнове из «Родных полей» и генерале Огнеле во «Фронте», большого успеха.

Но главной страстью Бабочкина остался театр, где он еще до войны раскрылся и как своеобразный, талантливый режиссер. В молодости Борис Андреевич положил себе жизненный принцип: чем больше препятствий, тем лучше. И он идет в театре своим, часто неизведанным путем: играет сложнейшие роли, ставит редко идущие пьесы, как бы возвращая их сцене во всем блеске и идейно-художественной глубине. Невозможно даже кратко перечислить множество советских и классических пьес, поставленных Бабочкиным в различных театрах Ленинграда и Москвы. Но нельзя не напомнить об одной: воистину новым его открытием

оказалась постановка «Дачников», ставшая этапным событием в театральной жизни. А режиссерская постановка Бабочкиным «Дачников» (как, кстати, и «Иванова» А. Чехова) стала интереснейшим, оригинальным исследованием в теории и практике режиссуры. Добавлю, что в своих спектаклях Бабочкин неизменно делил равную славу и великолепного режиссера, и актера. Его горьковские Влас, Суслов, Достигаев, чеховский Иванов и такие достижения советского актерского искусства, как чиновный генерал Клаверов из «Теней» Салтыкова-Щедрина и Аадам из «Браконьеров» Раннета, по праву считаются непреходящими завоеваниями в жизни нашего театра.

Как-то в Болгарии знакомый театральный критик сказал мне:

— Ваш Бабочкин — актер и режиссер, который, наверно, всегда попадал в «десятку». Мы, болгары, тоже хорошо знаем его...

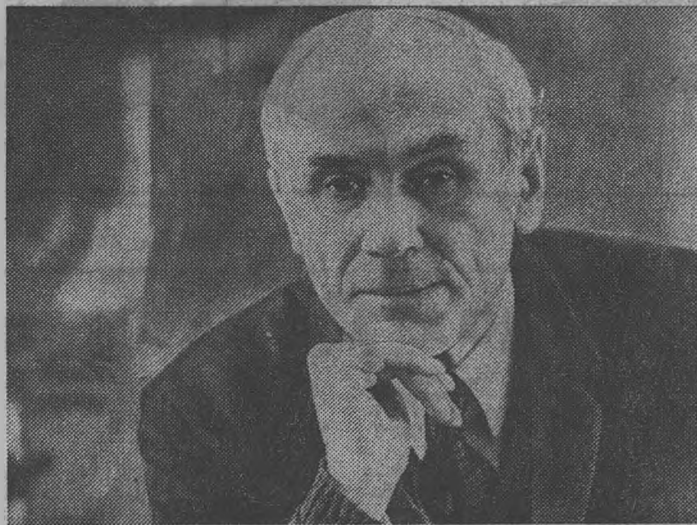
Да, была и такая страница в жизни Бабочкина. Целый год он работал в Болгарии, помогая рождению нового, социалистического театра в братской стране. А еще он — один из создателей единственного в мире Театра киноактера в Москве, а еще — профессор ВГИКа... Спрашиваю Бориса Андреевича о планах. Он отвечает:

— О, в «десятку» — это, думаю, болгарский друг мне полстил. Хорошо, если попадал в «девятку», и надеюсь, что не было «молока»... А план у меня пока один: ставлю в Малом театре... ну, скажем, малоизвестную пьесу Островского.

Он улыбается и поясняет: — Не спрашивайте — какую. Я говорю о «Грозе». Мне кажется, она далеко еще не исчерпана театрами...

Есть у Бабочкина глубокая, полемически острая статья об этой бессмертной пьесе Островского, вершине его творчества. И можно верить в ее новую интересную постановку.

А. МУРЗИН.

ноаудитории, триумф «Чапаева» сыграли с актером не одну сердитую шутку. Например, люди не сведущие спрашивали в ту пору о Бабочкине: что за самородок, откуда, как удалось ему сразу подняться на вершину искусства? Между тем в героическом комедии на экране зрители уже тогда встретили «не мальчика, но мужа», одного из ведущих мастеров советского театра.

...1920-й год. Отец, железнодорожный служащий, вручил сыну в дорогу пуд муки, который изъяли на какой-то станции. И вот шинель, сапо-

ния обстановки, быта, характеров людей той огненной эпохи... А, кроме того, Бабочкин уже больше года проучился в театральной студии.

Нельзя обойти одну черту в Бабочкине. В кармане у него лежало рекомендательное письмо режиссера Саратовского театра Немировича-Данченко. Но он вручил его адресату лишь... через двадцать лет, когда сам стал известным актером и режиссером. Столица сразу столкнула юношу с Мейерхольдом. Казалось, это была судьба... Но он не изменил заранее на-